

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39 (=512.1)
DOI 10.17223/19988613/35/15

В.В. Ушницкий

КЫПЧАКСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЭТНОГЕНЕЗЕ САХА

Анализируются гипотезы ведущих исследователей по этногенезу и ранней этнической истории кыпчаков. Разбираются версии происхождения кыпчаков от кюеши, сиров-сйеяньто, кимаков, басмылов. Утверждаются многосоставность кыпчакского союза племен и формирование нового этноса на основе старых племен. Рассматриваются этнокультурные контакты кыпчаков с восточными районами Сибири. Обсуждается возможность проникновения кыпчаков в Восточную Сибирь, их участие в этногенезе саха. Исследуются параллели в материальной культуре саха и кыпчакских народов.

Ключевые слова: кыпчаки; этнонимы; история Центральной Азии; тюркология; средневековые монголы; тюркские племена; Восточная Сибирь; археология; материальная культура; погребальный обряд.

Образование и распад кочевых орд в Евразийских степях в значительной мере отличались от этногенетических процессов, происходивших у оседлых народов. Поэтому типичные для оседлых народов процессы этногенеза и формирования культурных традиций не применимы для них. Для кочевников характерными являются дальние миграции, полное истребление и уход прежнего населения с территории обитания, формирование на основе распавшихся орд и появление близких племенных названий на огромных расстояниях. Их этническую историю нельзя исследовать в застывшем виде, считать неизменным на протяжении веков, ограничиваться методами лингвистического и генетического сравнения. Между тем в изучении этногенеза кочевых народов применяются те же стереотипы, принятые при исследовании оседлых народов, для которых характерны устойчивые границы бытования этнонимов, преемственность языка и культуры. Весьма трудным является попытка проследить пути формирования новых кочевых народов в результате миграции таежных, лесных этносов в степь.

Этническое самоопределение тюркских народов в фольклорных источниках зафиксировано в легенде об Огуз-кагане. Высказывалась версия, что его прототипом является хуннский Шаньюй Маодунь. Согласно данному фольклорному самосознанию, кыпчаки являлись одним из 24 племен огузов. Мифического мальчика, которому Огуз-каган присвоил имя кыпчак и по имени которого назвали его племя, согласно легенде, нашли во время неудачного похода огузов на племя ит-барак в дупле дерева, что и отразилось на его имени. «Это слово – производное от слова «кобук», что по-тюркски означает «дерево со сгнившей сердцевиной» [1. С. 83–84]. По замечанию Абу-л-Гази: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кыпчак» [2. С. 43].

Таким образом, по тюркской мифологии, генезис кыпчаков тесно связан с образами дерева и леса, что, видимо, исходит из их таежного происхождения. Лексе-

ма «кыпчак» связывается с якутским словом «кыпчый», «кыбытар» – зацепить, защемлять. Между якутскими стоячими барабанами табык и каменными изваяниями древних тюрков, именуемыми в литературе «половецкими бабами», существует тесная связь. Данный обряд, видимо, восходит к глубокой древности, когда люди хоронили останки (кости, пепел) сородичей в дуплах растущих деревьев. Так, позднее внутри дуплистых деревьев якуты замуровывали коробки тюктойэ [3].

Традиция погребения с конем в Восточноевропейских степях, связываемая с половцами-кыпчаками, впервые появляется у древних южносибирских племен пазырыкской и уюкской археологической культуры. Исходя из этого, можно предположить, что начальный этап этногенеза племен кыпчакской языковой группы связан с территорией Южной Сибири и протекал отдельно от хуннских племен. Так, у Сыма Цяня (II в. до н. э.) среди племен, покоренных Маодунем, встречается племя цюйше. Попытка Б. Калгрена реконструировать это название как кыйчак-кыпчак было поддержано рядом советских исследователей [4. С. 154]. Это племя упоминается в числе других этносов, покоренных «на севере» хуннским шаньюем Модэ в 201 г. до н.э. [5. С. 50]. Д.Г. Савинов выдвинул гипотезу о передвижениях племени цюйше, которые в хуннское время жили в Верхнем Приобье, а затем вошли в состав объединения теле [6. С. 72–75]. Отождествление предков кыпчаков с известным в ханьских источниках названием кюеше, или цюйше, и его локализация в Верхнем Приобье вызывают серьезные сомнения. К тому же отождествление слов «цюйшэ» и «кыпчак» не оправдано фонетически [7. С. 110].

По одной точке зрения куманы сопоставимы с народом сары ал-Марвази. Например, как считал С.М. Ахинжанов, этнонимы «куман» и «сары» объясняют внешний облик кыпчаков-половцев [8. С. 81–84]. Знаменитый востоковед В.В. Бартольд впервые высказал предположение, что этноним «половцы» – это калька с тюркского этнонима «сары (к)». Однако быто-

вание этнонима «сары (к)» у среднеазиатских народов, казахов и башкир приводит к мысли, что в Средние века «сары (к)» было («желтый»), видимо, наименованием крупного тюркоязычного племени [9. С. 29–30]. Русским источником половцы были известны, кроме имени команы, под названием сарацин, сорочин, срачин, сорочинин [Там же. С. 29]. В якутском олонхо часто встречается слово «сараһын» – «бледноликая» в применении к дочери абааһы, применительно к дочери Сах. В некоторых текстах олонхо упоминается сараһын улууһа, т.е. «племя лукавых». Имеется и упоминание о спрятавшихся в ветвистых деревьях аймахе сараһын.

По мнению С.Г. Кляшторного, половцы отличны от кыпчаков и являются потомками части басмалов, прозываемых шары [7. С. 137]. У аль-Марвази есть интересное место, где он отождествляет басмылов с шары, занявших прежние земли туркмен и огузов, т.е. степи Казахстана. Во главе басмылов стояли князья из рода Ашина, а шары, по аль-Марвази, были известны благодаря их вождю, происходящему от басмылов [10. С. 56].

Этноним «кыпчак» мог быть связан с какими-то племенами древнетюркского происхождения. Так как кыпчаки сначала упоминаются в Восточном Туркестане, то они могли быть связаны с басмылами, которые там же обитали. По словам Г. Рубрука, басими (басмылы) это те же «аргоны» [11], под которыми можно понимать аргынов – крупный союз племен в составе казахского народа. Аргын в казахском языке обозначает «помесь, смесь», как и басмыл. Казахские исследователи Т.А. Инсебаев и Е.З. Кажибеков впервые отметили связь родословной саха и шежере казахского племени аргын. Согласно родословной, предками Омогоя и Эллэя являются Ёксюкю – Мэйэрэм Сюппю – Хорохой – Аргын – Аяал – Ёрёс Кюёл Дьулдугун – Тюёртюгюл – Хайаран – Омогой, Эллэй. Имена предков саха они сопоставили с родовым делением казахского рода сююндук, входивших в состав аргынов: оразкельды – ёрёскюёлдьулдугун; тортуул и тюёртюгюл, мейрам и мэйэрэм – сюппю [12. С. 107–108; 13].

Еще немецкий ученый И. Маркварт предложил монгольскую версию происхождения кыпчаков. Его теория была основана на биографии кыпчакского хана и Юаньского генерала Тутухи. Согласно ей, предок Тутухи перекочевал с гор Аньдогань в Юйлиболи, в котором исследователи видят Уральские горы [14]. Как выяснил П. Пелльо, предки Тутухи были из племени байаут, присвоивших себе имя кыпчаков, они приняли этноним «юйлиболи», переводимый как «эльбури» (ильбари, или ольбурлик). Байауты проживали на территории Южного Забайкалья, по р. Джиде, их тоже можно отнести к саянтийской культуре. Имя рода Байагантай сопоставляется с названием племени байаут в составе монголов. Это племя являлось династическим среди кыпчаков Западного Казахстана в XII в. Байауты в домонгольское время отчасти обита-

ли на территории Южной Бурятии по р. Джиде и отсюда мигрировали в западные степи. Действительно, в списке поздних кыпчакских племен фигурируют байауты [2]. Предполагается, что означенное событие могло иметь место в XII в., так как переселялся дед Тутухи, проживавшего в середине XIII в. Нужно обратить внимание на фразу, что байаутов стали именовать кыпчаками. Байаутов принято относить к монгольским племенам, но они скорее тюрки, попавшие под монгольское господство. В составе огузов династическим племенем были баяты, вопрос их связи с монголо-кыпчакскими байаутами остается дискуссионным. Их можно отнести к потомкам теле-огузского племени байырку. Нужно обратить внимание, что уже в составе кимаков есть байандуры. Поэтому нужно сказать, что переселение байаутов-байырку на Запад и вхождение их в состав кыпчаков происходило в более раннюю эпоху. Именно к ним бежали в 1216 г. разбитые монголами меркиты.

На смену кимакам приходят новые конфедерации племен, среди них канглы; можно привести высказывание Г. Рубрука о близком родстве канглы с команями (кыпчаками). И. Маркварт считает справедливым замечание В.В. Бартольда о том, что «племенные наименования канглы и кыпчак представляются нам почти тождественными» [13]. Тамги кыпчаков и канглы совпадают, следовательно кыпчаки могли происходить из канглы. Кыпчакский компонент в составе саха связывается с родом Хангалас, отождествляемыми с канглы в составе кыпчакских народов. А.И. Гоголев кыпчакский компонент в составе саха связывает исключительно с кангаласами [14]. О происхождении племени канглов, имевшегося в составе практически всех западных тюркских народов, имеются две точки зрения. Одна считает их потомками отуреченного ираноязычного народа Кангюй. Другая, выводящая их названия «канкалы» – телега, связывает с народом Гаогюй – «Высокая телега» в китайских хрониках, являвшихся предками древних уйгуров.

Из перевода труда Марвази, в интерпретации И. Маркварта, известно, что к тюркам принадлежит также племя марка, именуемое кун. Они ушли после столкновений с киданями из-за земли. И. Маркварт затруднялся отождествлять название племени марка с монгольским этнонимом «меркит», так как в нем имеется палатальная гласная [13]. В труде бухарского хана XVII в. Абульгази Бахадур-хана меркиты обозначены под именем маркатов. В.Ф. Минорский отмечал, что в арабских скрижалях упоминается племя марка; по его замечанию, данное название у тюркоязычных народов встречается только в Якутии, где в долине Туймаада есть местность Марха [15]. В бассейне рек Лены и Вилюя широко встречается топоним Марха. Топоним Марха можно вывести от названия рода Марха, имеющегося в составе Кангаласского улуса. Топоним Марха встречается и на территории Казахстана. Довольно оригинальным взглядом пред-

ставляется отождествление кунов, т.е. марка с курыканами [16. С. 153]. Однако его гипотеза построена только на сопоставлении второй части этнонима «курыкан» – кан с кунами, что, безусловно, представляется выдуманным. Напомним, что до сих пор в научной и популярной литературе встречается получившее в советской историографии широкое распространение мнение о курыканах как этнических предках саха.

В последнее время растет число публикаций, содержащих новые факты и сведения о кыпчакских племенах. Есть солидный корпус трудов археологов, которые связывают различные культуры Западной и Южной Сибири с этногенезом кыпчаков. Выделение обширной кыпчакской группы тюркских языков показывает место кыпчаков в этногенезе тюркских народов западных степей. Создание монографического исследования по этнической и политической истории кыпчаков с эпохи древности до позднего средневековья – одна из нерешенных задач тюркологии. Изучение кыпчакских родоплеменных образований в отдельных регионах или в составе тех или иных этносов может пролить свет на этническую историю кыпчаков.

Возможность проникновения кыпчаков в Восточную Сибирь и участие их в этногенезе саха и бурятов доказываются в последних научных публикациях А.И. Гоголева, Б.Б. Дашибалова и В.С. Николаева. Дискуссионным является время появления кыпчаков на территории Восточной Сибири и их значение в этногенезе саха.

Если обратиться к археологии, то имеются данные, говорящие о присутствии кыпчаков в территории Забайкалья и даже Прибайкалья. Если ранее находки погребений с конем связывали с переселениями кыпчакских воинов, подчинявшихся монголам, то в последнее время есть данные о связи кыпчаков с территорией Байкальского региона XII–XIV вв., совпадающие с периодом возвышения кыпчакского союза племен на западных степях. Высказывались предположения о принадлежности к культуре кыпчаков погребений по обряду одиночной ингумации на Среднем Енисее и захоронений со шкурой коня в Монголии и Забайкалье [17. С. 90–91].

Однако погребения с конем встречаются на территории Прибайкалья и Забайкалья с датировкой XII–XIV вв. По словам Б.Б. Дашибалова, обычай установки в надмогильной насыпи вертикально стоящего камня является характерным для могил саянградской культуры [18. С. 125]. В.С. Николаев выделяет усть-талькинскую археологическую культуру Южного Приангарья XII–XIV вв., для которого характерными являются погребения с конями. По его мнению, усть-талькинцы происходили из кимако-кыпчакских племен. Он их связывает с этническими предками саха, в соответствии с письменными источниками эта культура могла принадлежать племени туматов, прикочевавшему с территории Тувы [19].

Далее кыпчакские элементы обнаруживаются в этнической культуре народа саха. По словам А.И. Гоголева, западная ориентация, характерная в погребениях с

лошадью, возникла под прямым или опосредствованным воздействием кыпчакской среды. Во всяком случае, известно, что в XII–XIII вв. под влиянием печенежско-торческого обряда, как отмечалось выше, половцы (кыпчаки) стали придерживать западной ориентации при погребении умерших людей. С ними с левой стороны, в отдельной яме или вместе с покойником, обнаруживается захоронение остова коня головой на запад, иногда, на приступке, рядом с ямой, перекрытой деревянными плахами [14]. В память умершего якуты вырезали из дерева человеческое изображение и ставили ему куски пищи и мазали рот маслом [18. С. 124]. Интересны также попытки сопоставления стилистики якутских женских фигурок из кости с иконографией половецких «баб» юга России [Там же. С. 125].

В традиционной одежде тоже встречаются якутско-половецкие этнические параллели. Например, у якутов, наездников-скотоводов, в старину бытовала ныне совершенно забытая одежда-набедренник (бэлэпчи), имеющаяся и у западных бурят (бэлэбши), генетически и этимологически связанная с киргизским «бэльдэмчи». Из-за этого ранее ее считали перенятой от курыкан. Недавно появилось сообщение, что найден исторический прототип киргизско-казахской белдемчи. Это распашная юбка средневековых половцев европейских степей [20. С. 85]. Каменные «бабы» кыпчаков-половцев изображены в древних головных уборах – островерхой круглой шапочке в виде высокой тубетейки. Утверждается, что старинная якутская шапка, образующая в верхней части купол типа шатра (так называемая шапка-ермолка), восходит в своих истоках к ней [21. С. 19–20].

Интересно сравнение пищевого режима. У кыпчаков не последнее место в пищевом рационе имела конина, причем мясо нежеребившейся кобылы считалось лучшей пищей, пиршественным блюдом, а кумыс был приятнейшим и любимым напитком кочевников [2. С. 237]. У саха также конское мясо, жир, потроха считались самым лакомым блюдом, а кобылий кумыс – самым отменным напитком [22. С. 258]. Лошадь саха обладает великолепным свойством – рыться в снегу, доходя через снежный покров к траве. Между прочим, кыпчакская лошадь умела тебеневаться при глубине снежного покрова до 40 см.

Определенное сходство обнаруживается в почитании Солнца и основанного на этом культе Солнца. Кыпчаки и их потомки уже в ранней своей истории развили этот культ, и обряды их во многом сходны с якутскими обычаями. Известно о том, что кыпчаки почитали Солнце на востоке, и у них был обычай обращать свои статуи лицом на восток, в сторону восхода солнца [2. С. 273]. Для сравнения у саха существует обряд поднимания чаш в сторону восхода солнца во время ысыаха. По словам С.Е. Ажигали, традиция установки деревянных коновязей сохранялась длительное время у различных народов региона; это типологически весьма близкие между собой коновязи – сэргэ и

чаки у бурят, саха и алтайцев и фейфа у некоторых групп венгров [23].

Нам известно о том, что при болезни человека половцы ставили знак над своим домом, чтобы никто не входил. Таким образом они опасались, чтобы со входящим не явился злой дух или ветер [24. С. 101]. С этим можно сравнить подобный обычай саха. С момента смерти человека его юрта и все его родственники считались нечистыми. В дом, где жил покойник, никто из посторонних не заходил, и старались не встречаться с его домочадцами [25. С. 100]. В XIII в. татары (половцы-кыпчаки) для умерших «богачей» строили пирамиды, т.е. остроконечные домики [11. С. 128]. В этой связи особо следует отметить, что у якутов существовали восьмиугольные надмогильные срубы, причем некоторые имели крышу в виде восьмигранной усеченной пирамиды [26. С. 190].

Вполне возможно, что так называемый кыпчакский комплекс в этнической культуре саха следует связывать с сибирскими татарами, возможно участвовавшими в этногенезе северных тюрков. Так, В.Ф. Ахметова отмечала сходство сюжета и мотивы «Эллэйады» и многочисленные параллели и аналогии в эпосе «Идиге и Тохтамыш», распространенном среди кыпчакоязычных народов от Алтая до Дуная [27. С. 169].

Имя другого якутского рода Мэнэ связывается с кыпчакским словом «мэнгу» – вечный. Имя сына Эллэя Хатан Хатамаллай сопоставимо с этнонимом и антропонимом «котан», встречающимся среди казахов и сибирских татар. От него произошел Хатылинский род, впоследствии ставший Батурусским улусом. Среди кыпчакоязычных народов есть ктани, кытай, котаны, каракытай. Действительно, среди кыпчакских племен

упоминаются котаны; под этим названием скрываются кидани. Название якутского рода Борогон сопоставимо с борганами, крупным племенным объединением тюрков Северного Кавказа. С этим племенем связан генезис кумыкского народа, иногда их потомками считаются карачаевцы и балкарцы. Есть разные мнения о происхождении борганов. Нам встречались сведения об их именовании как борган-кыпчак; их название воспроизводится от имени племени баргу, фигурирующего в списке поздних кыпчакских племен.

Русские исследователи XIX в. выводили саха от качинского рода соххы или сахаларов во множественном числе. Однако, по преданию, соххы пришли с Иртыша, оторвавшись от орды Кучума. В дополнение к этому можно привести тот факт, что соххы входили в XVII в. в Кубанов аймак. Собственно на этом факте основано мнение А.И. Гоголева, который кыпчакский компонент в составе саха связывает с носителями этнонима саха [14].

Таким образом, так называемый кыпчакский компонент в якутской этнокультуре, возможно, связан с участием татарского (сибирского) элемента в этногенезе саха. Тем более в якутских фольклорных источниках прародители народа часто выводятся из народа татаар. Отсюда исследователи досоветского периода часто выводили этнические корни саха из татар. В качестве прародины саха, опираясь на ранние фольклорные источники, часто указывали Тобол и Барабинские степи. Однако указание на участие кимако-кыпчакского элемента в этногенезе усть-талькинской археологической культуры XII–XIV вв. свидетельствует о возможности более ранних контактов. Возможно, это связано с участием сибирского (байаутского, курыканского, алатского) компонента в этногенезе кыпчаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1–2.
2. Абульгази. Родословное древо тюрков / пер. Г.С. Саблукова. Казань, 1906.
3. Васильев В.Е. Традиционное верование по преданиям саха. Якутск, 2006.
4. Бернштам А.Н. Заметки по этногенезу Северной Азии // Советская этнография. 1947. № 2.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. I.
6. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири. Кемерово, 1994.
7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000 (2004).
8. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
9. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.
10. Кляшторный С.Г. Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
11. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М., 1997.
12. Кажибекоев Е.З., Инсебаев Т.А. Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп адай и суюндук // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.
13. Маркварт И. О происхождении народа куманов. URL: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml>, свободный (дата обращения: 22.06.08).
14. Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993.
15. Minorsky V. Hudud al – ‘Alam. London. URL: <http://odnap11yazyk.narod.ru/1937>, свободный.
16. Яйленко В.И. Миграция кунов-курыкан из Южной Сибири в Поднепровье в свете письменных и археологических источников // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987.
17. Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // Советская археология. 1980. № 2.
18. Дашибалов Б.Б. К археологии кыпчаков: каменные изваяния в средневековых культурах Юго-Восточной Сибири // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2007.
19. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск, 2004.
20. Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма: киргизские белдемчи // Этнографическое обозрение. 1997. № 6.
21. Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск, 1998.
22. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
23. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
24. Карпини Плано Дж. Дель. История монголов. 4-е изд. М., 1997.
25. Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов: учеб. пособие. Якутск, 1996.

26. Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. I.
 27. Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской «Элэйады» и татарских дастанов // Тезисы докладов к научной конференции «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири». Омск, 1979.

Ushnitskiy Vasily V. Institute of Humanities and Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: voma@mail.ru

KIPCHAK COMPONENT IN THE SAKHA ETHNOGENESIS.

Keywords: Kipchaks; ethnonyms; history of Central Asia; Turkic studies; medieval Mongols; Turkic tribes; east Siberia; archeology; material culture; funeral rite.

This article analyzes the participation of Kipchak component in the ethnogenesis of the Sakha. This hypothesis appeared in the XX century, based on the detected parallels between archaeological and ethnographic materials of Sakha-Yakut people and Kipchak culture of the Eurasian steppes. The burials with horse that are typical for Yakut ethnic culture have a direct connection with the Ust-Talkinsk archaeological culture of the South Angara of XII–XIV centuries. Sakha also are connected with the Kipchaks by proximity of ethnonyms. There are also versions of the origin of Kipchaks from Baikal tribes of Kurykan-Kun, Merkit-markha, and bayauts. The most famous versions about the origin of the term “Kipchak” are: the origin from the “Kybchak” word – “hollow tree”; identification with the ancient Chinese name of Central Asia tribe Kyueshe; connecting the notation of Kipchak – Kuman with Turkic ethnonym sary. Kazakh researchers T.A. Insebaev and E.Z. Kazhibekov marked the connection between Saha and shezhere Kazakh tribe argyn pedigrees. The possibility of penetration of Kipchaks in Eastern Siberia as well as their participation in the ethnogenesis of Sakha and the Buryats are proved in the last scientific publications of A.I. Gogolev, B.B. Dashibalov and V.S. Nikolaev. Controversial is the time of appearance of the Kipchaks on the territory of Eastern Siberia and their role in the ethnogenesis of Sakha. Kipchak component in the Yakut ethnic culture, probably is connected with the participation of the Tatar (Siberian) element in the ethnogenesis of Sakha. Especially in the Yakut folklore sources progenitors people often are derived from the people tatar. From here, researchers of pre-Soviet period often took out the ethnic roots of the Sakha from Tatars. As the ancestral home of the Sakha due to early folklore sources the researchers often pointed Tobol and Baraba steppes. However, the indication of the part Kimak-Kipchak element in the ethnogenesis Ust-Talkinsk archaeological culture in XII–XIV centuries suggests the possibility of earlier contacts. Perhaps this fact is connected with the participation of Siberian (bayautsk, kurykans, alatsk) components in the ethnogenesis of Kipchaks.

REFERENCES

- Rashid-ad-din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Histories]. Translated from Persian by L.A. Khetagurov, O.I. Smirnova. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. Vol. I.
- Abu al-Ghazi Bahadur. (1906) *Rodoslovnnoe drevo tyurkov* [Genealogy of the Türks]. Translated by G.S. Sablukov. Kazan: s.n.
- Vasil'ev, V.E. (2006) *Traditsionnoe verovanie po predaniyam sakha* [Traditional beliefs according to Sakha legends]. Yakutsk: Bichik.
- Bernstam, A.N. (1947) *Zametki po etnogenezu Severnoy Azii* [On the ethnic genesis of North Asia]. *Sovetskaya etnografiya*. 2.
- Bichurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [The information about peoples in Central Asia in ancient times]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. Part I.
- Savinov, D.G. (1994) *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Yuzhnoy Sibiri* [The state and cultural genesis in South Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- Klyashtornyy, S.G., & Sultanov, T.I. (2000) *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and peoples of Eurasian steppes. Ancient times and Middle Ages]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Akhinzhanov, S.M. (1989) *Kipchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the history of Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata: Zhilym.
- Shaniyazov, K.Sh. (1974) *K etnicheskoy istorii uzbekskogo naroda* [On the ethnic history of the Uzbek people]. Tashkent: Fan.
- Klyashtornyy, S.G. & Savinov, D.G. (1994) *Stepnye imperii Evrazii* [Steppe Empires of Eurasia]. St. Petersburg: Farn.
- Rubrout, G. (1997) *Puteshestvie v vostochnye strany* [Journey to the East]. Translated from French by I.M. Minaev. Moscow: Mysl'.
- Kazhibekov, E.Z., & Insebaev, T.A. (1984) *Nekotorye predvaritel'nye rezul'taty sopostavleniya i analiza nazvaniy rodoplemennykh grupp aday i suyunduk* [Some preliminary results of the comparison and analysis of the names of tribal groups Aday and Suyunduk]. In: Kheyderov, A.A. (ed.) *Tyurkskaya onomastika* [Turkic onomastics]. Alma-Ata: Nauka.
- Marquart, I. (1914) *O proiskhozhdenii naroda kumanov* [On the origin of the Cumans]. Translated by A. Nemirova. [Online] Available from: <http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>. (Accessed: 22th June 2008).
- Gogolev, A.I. (1993) *Yakuty (Problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakut (Problems of ethnic genesis and formation of culture)]. Yakutsk: Ilin.
- Anon. *Hudud al – 'Alam*. Translated from English by V. Minorovsky. [Online] London. Available from: <http://odnap1yazyk.narod.ru/1937>.
- Yaylenko, V.P. (1987) *Migratsiya kunov-kurykan iz Yuzhnoy Sibiri v Podneprov'e v svete pis'mennykh i arkhеologicheskikh istochnikov* [Migration of Kurykans from Southern Siberia to the Dnieper as described in written and archaeological sources]. In: *Problemy arkhеologii Stepnoy Evrazii* [Problems of archeology of Steppe Eurasia]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- Kyzlasov, I.L. (1980) *Kypchaki i vosstaniya eniseyskikh plemen v XIII v.* [Kipchaks and rebellions of Yenisei tribes in the 13th century]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 2.
- Dashibalov, B.B. (2007) *K arkhеologii kypchakov: kamennye izvayaniya v srednevekovykh kul'turakh Yugo-Vostochnoy Sibiri* [Archeology of Kipchaks: stone sculptures in medieval cultures of Southeast Siberia]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculptures and plastic arts of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Azh Buka.
- Nikolaev, V.S. (2004) *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vekakh. Ust'-Tal'kinskaya kul'tura* [Funerary complexes of the nomads in the south of Central Siberia in the 12th – 14th centuries. Ust-Talkinskaya culture]. Vladivostok-Irkutsk: Institute of Geography of SB RAS.
- Lobacheva, N.P. (1997) *K istorii sredneaziatskogo kostyuma: kirgizskie beldemchi* [On the history of the Central Asian costume: Kyrgyz Beldemchi]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6.
- Gavriilyeva, R.S. (1998) *Odezhda naroda sakha kontsa XVII – serediny XVIII veka* [The clothes of Sakha people in the late 17th – mid-18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakut: Ethnographic research]. Moscow: n.s.
- Azhigali, S.E. (2002) *Arkhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona)* [The architecture of nomads – the phenomenon of Eurasian history and culture (the monuments of the Aral-Caspian region)]. Almaty: Fylym.
- Carpini, P.G. (1997) *Istoriya mongolov* [History of the Mongols]. Moscow.
- Bravina, R.I. (1996) *Pogrebal'nyy obryad yakutov* [The funeral ceremony of Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk State University.
- Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. Vol. I.
- Akhmetova, F.V. (1979) [Epic parallels of Yakut “Elleyady” and Tatar dastans]. *Tezisy dokladov k nauchnoy konferentsii “Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri”* [Abstracts to the Scientific Conference “Ethnogenesis and ethnic history of Turkic peoples of Siberia”]. Омск: Омск State University. (In Russian).